

КОНСТАНТИН
СТОГНИЙ

ТИБЕТ
ИЛИ
ИЗУМРУДНАЯ
ЧАША ПАТРИАРХА

Заглянувший за горизонт

Константин Стогний
**Тибет, или Изумрудная
Чаша Патриарха**

«ОМІКО»

2016

УДК 821.161.2'06-992
ББК 84(4УКР)6-442

Стогний К. П.

Тибет, или Изумрудная Чаша Патриарха / К. П. Стогний —
«ОМІКО», 2016 — (Заглянувший за горизонт)

ISBN 978-966-03-7501-7

В основу этого приключенческого романа легли реальные путевые дневники участников экспедиции «Надзвичайних Новин» на Тибет. О ее итогах многие читатели уже могли узнать в документальной книге «В поисках счастья». Но наиболее загадочные и даже мистические события, произошедшие в ходе экспедиции, не могли быть использованы как документальный материал, поэтому были изложены в романе. Его главный герой знаком читателям по дебютной художественной книге автора «Пангапу, или Статуэтка богини Кали». Украинский журналист Виктор Лавров снова в эпицентре захватывающих и опасных приключений. Беспринципный торговец людьми и миллионер, поддерживаемый американскими спецслужбами, последователи немецкой «Аненербе» и СБУ противостоят друг другу в борьбе за мировое господство, путь к которому лежит через овладение древними артефактами, находящимися в Непале. И только Лавров может предотвратить катастрофу... На фоне фантастических непальских пейзажей и в разгар столкновений с жестокими противниками журналист встречает свою студенческую любовь – Прию. Но суждено ли возлюбленным быть вместе после всего пережитого в таинственном Непале? В книге также содержится огромное количество уникальной познавательной информации, которая публикуется впервые. У вас есть исключительная возможность ознакомиться с невероятными фактами и пересмотреть свои представления о классической истории человечества.

УДК 821.161.2'06-992
ББК 84(4УКР)6-442

ISBN 978-966-03-7501-7

© Стогний К. П., 2016

© ОМІКО, 2016

Содержание

Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Константин Стогний

Тибет, или Изумрудная Чаша Патриарха

© К. П. Стогний, 2016

© К. П. Стогний (правообладатель), иллюстрации, 2016

© Л. П. Вировец, художественное оформление, 2016

© Издательство «Фолио», марка серии, 2016

Пролог

Курносая девочка лет двенадцати сидела на коротко стриженной траве перед большим деревянным домом. Она играла с коброй. Змея, один укус которой способен был убить несколько взрослых людей, стояла в боевой стойке, надув роскошный пёстрый клубок, и раскачивалась из стороны в сторону. В такт ей раскачивалась маленькая Ратха. Мгновенье, и проказница, проворно поцеловав кобру в голову, со звонким смехом отскочила назад.

За этой жуткой сценой наблюдал украинский журналист и путешественник Виктор Лавров. Рискованная игра девочки вывела его из глубокой задумчивости, но он продолжал размеренно перебирать в руках чётки из темно-зелёного серпентина. Этот подарок, полученный им когда-то от одного уже покойного товарища из Афганистана, давно стал его талисманом и неизменным спутником в опасных путешествиях. Увидев в руках чужака чётки, сидящие неподалёку от Лаврова монахи переглянулись с облегчением: в понимании восточных людей человек, владеющий этим ритуальным предметом для счёта мантр, не мог нести зла...

Виктор Лавров проделал долгий путь, чтобы оказаться здесь. Но его цель стояла любых усилий и расстояний: украинец надеялся получить доступ к великим тайнам древности и открыть их всему миру. Виктор оглянулся. Несколько бутанцев сидели и мило улыбались маленькой шалунье, играющей с коброй, – дескать, чем бы дитё не тешилось, лишь бы не плакало. «Так, наверное, и у нас, на солнечной полянке где-нибудь на Осокорках, маленькая украинка ловит кузнечиков и, заливаясь журчащим смехом, отпускает их обратно в сочную зелёную травку...» – подумал Виктор. Тем временем игра ребёнка со смертью продолжалась.

– Ратха... – задумчиво произнёс Лавров, – ...почему у твоей дочери индийское имя, премудрый Лопен?

Журналист вот уже два дня гостил у бутанского монаха, настоятеля древнего как мир монастыря «Гнездо белой летающей тигрицы». В резном кресле из палисандра, который величественно, словно трон, стоял на великолепном цветастом ковре, восседал хозяин большого деревянного дома, дальний родственник основателя новой династии королей Бутана – Лопен Вангчук. Монах, не привыкший давать ответ сразу, отхлебнул из большой фаянсовой пиалы и, с шумом выдохнув, произнёс:

– Ратха – это имя её матери, жены моего старшего внука.

– Стало быть, это твоя правнучка? – удивился Лавров.

Ответа не последовало. Для многих народов Азии молчание в ответ трактуется как знак согласия, и Виктор знал это. На вид Лопену было не более пятидесяти, но в летописях монастыря хранилась запись о рождении его старшего сына. Угьен Вангчук родился в год получения Бутаном независимости – 1947-м. Даты же рождения настоятеля монастыря «Гнездо белой летающей тигрицы» не знал никто.

Будучи человеком весьма образованным и неглупым, Виктор благодаря своему интеллекту сумел заслужить уважение и даже некоторое доверие бутанского монаха. Главным предметом бесед в этом уединённом месте на высоте около 2000 метров над уровнем моря была религия. Лаврову пришлось вызвать из запасников памяти почти всё, что он узнал за добрых два десятка лет путешествий по миру.

Незаметно промелькнул монах, наливший в пиалу Виктора жирного чаю, излюбленного напитка горного народа. Журналист почувствовал себя раскованнее и, продолжая сидеть, немного размял свои босые ноги: собираясь на встречу с монахом, ему пришлось на время разлучиться со своими кожаными походными ботинками ради подобия плетёных сандалий. Ношение одежды и обуви из убитого животного претило законам и мировоззрению жителей Бутана, и Виктор, рассчитывающий заручиться поддержкой Лопена в своей миссии, должен был эти законы соблюдать – по крайней мере, в присутствии старца. Но привычка есть при-

вычка: пройдя всего несколько минут в самодельных тапках, Лавров снял их и выкинул куда подальше. «Лучше уж босиком, чем в этих лаптях».

– Так чего же хочет мой европейский друг? – Лопен неожиданно спросил Виктора по-русски.

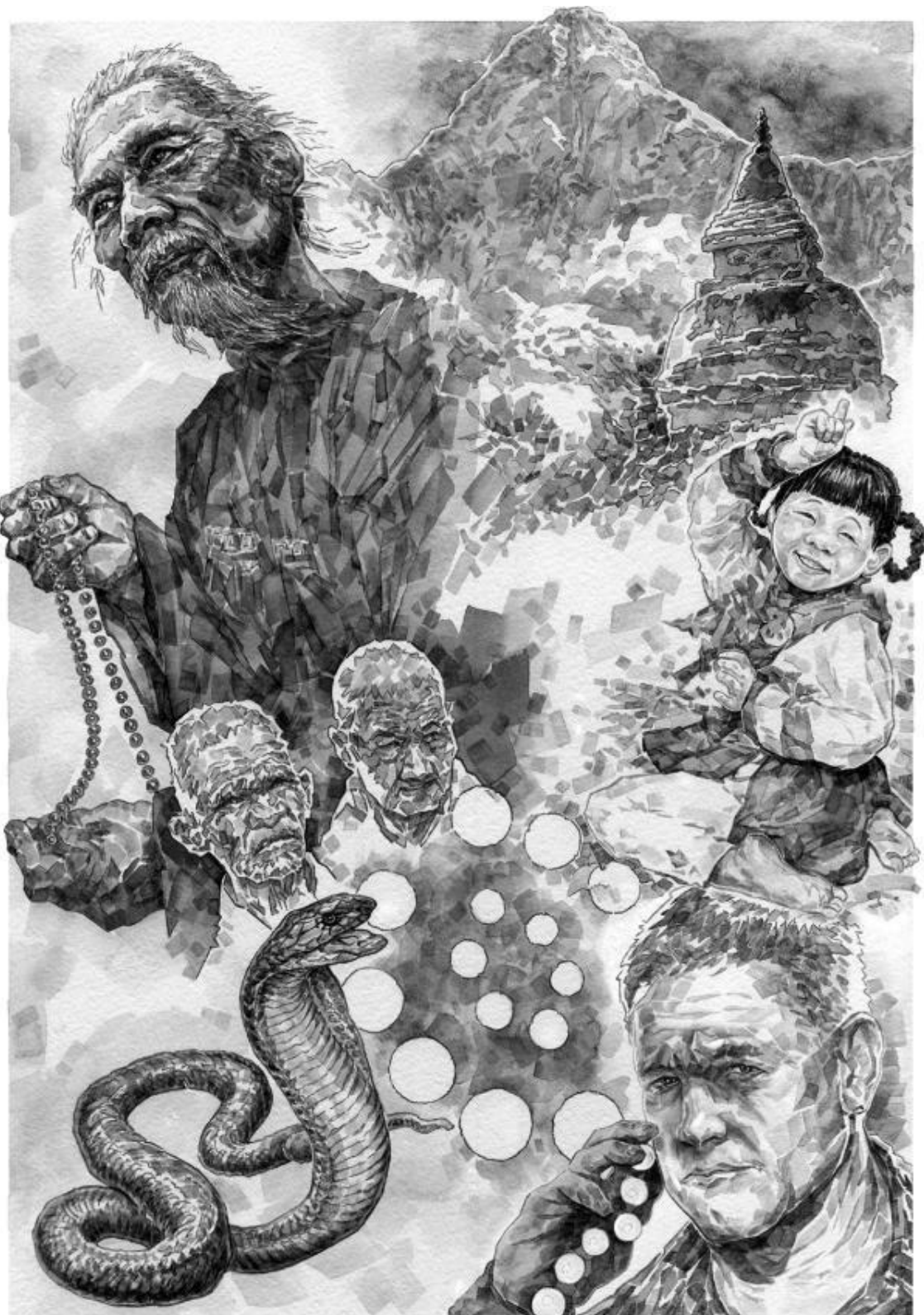
Виктору впервые в жизни казалось, что его видят насквозь. От этого было не по себе. Сергей Крыжановский, его друг из Одессы, инструктирующий журналиста перед выездом в Бутан, не упомянул о том, что Лопен владеет восьмью иностранными языками. Застигнутый врасплох Лавров проявил выдержку и не показал и тени удивления, будто русским языком должны владеть все монахи мира.

– Премудрый, я уже много лет хочу только странствовать и постигать истину. У меня есть всё, что нужно свободному путнику, – здоровье, силы и вера, – ответил Виктор на английском.

– Я вижу, что ты – мыслитель, и твоя философия понятна мне. Мало того, она близка учению Будды... – Старец впервые за двое суток улыбнулся, поглаживая жидкую, чёрную как смоль бороду. – Я готов помочь тебе, но Пещера Ринпоче закрыта для непосвящённых.

– Я про Пещеру ничего не говорил, и...

– ...Не обязательно слышать, чтобы понимать, – изрёк старец. – Я так стар, что твой дед ещё не родился, когда я уже был учителем многих... Ты умён, честен и в твоём сердце нет зла, но Пещера...

Виктор был подавлен. Он терпел фиаско. Его цель – сфотографировать Изумрудную Чашу Патриарха, которая, по слухам, находится именно в Пещере Ринпоче и, казалось, была так близка – вмиг стала недостижимой. Один снимок этой бесценной реликвии, которая ещё никогда не была показана широкой общественности и существование которой учёные умы ставили под сомнение, мог перевернуть современное представление о мире и его истории. Теперь

же мечта увидеть и сфотографировать Чашу уплывала от Виктора, как облако за высокую гору близ буддийского храма.

Вступать в спор с таким великим человеком журналисту никак не хотелось, но другого выхода не было. Лавров был не из тех, кто опускает руки при малейшей неудаче.

– Понимаешь, мудрейший... Я должен это сделать! Речь идёт не только обо мне, всё намного серьёзней. Я должен сделать это для всех людей, которые окутаны туманом непонимания. Для прозрения человечества, если хотите, – пошёл в наступление Лавров.

– Должен... – На лице Лопена показалась снисходительная и вместе с тем добрая улыбка, как если бы перед его мудростью предстал провинившийся неразумный ребёнок. – Какое весомое и вместе с тем обманчивое слово... Но мудрость Тибета гласит, что ты в этом мире никому ничего не должен. И тебе никто и ничего не должен, – парировал монах.

Дальнейшее пребывание в гостях у настоятеля не имело смысла, и Виктор уже готов был распрощаться с гостеприимным бутанцем. «Надо ж было такой гадости напиток...» – думал Виктор, через силу допивая жирный чай, заваренный в молоке с добавлением ячьего жира. Внезапно боковым зрением он увидел, как к Ратхе, продолжающей играть со змеёй, со спины подползает самец кобры. Весной все змеи агрессивны, и медлить было нельзя. До девочки было метров десять. «Не успею... Кричать бесполезно – только панику наводить», – просчитывал ситуацию журналист. Ни Лопен, ни его прислуга не замечали подбирающегося к ребёнку двухметрового монстра. Ему оставалось до Ратхи не больше метра. Самец поднял голову и сосредоточился...

...На принятие решения у Виктора были доли секунды. Метнуть в змея свой знаменитый гвинейский тесак – не вариант. Как-никак, это убийство, хоть и во имя спасения жизни ребёнка. В этой стране так нельзя. И тут его осенило: чётки! Он сильным и точным движением запустил ими в кобру. Гигантская рептилия на секунду замерла. Этой паузы хватило, чтобы Лавров подлетел к девочке, схватил её на руки и отскочил вместе с ней на несколько метров в сторону от смертельной опасности.

Все присутствующие были потрясены. Монахи, стоящие во дворе, кинулись к спасённой Ратхе. В глазах Лопена Вангчука явственно читался испуг...

...Во мраке древнего храма времени, казалось, не существовало. Виктор шёл по длинному коридору. По крайней мере, ощущение ограниченного пространства не покидало его, хотя стен в темноте видно не было. Впереди маячил яркий, слепящий своей белизной свет. «Свет в конце тоннеля... Может быть, я умер?». Виктор поёжился. В этом мистическом коридоре было настолько холодно, что босые ноги Лаврова свело судорогой. «Когда уже можно будет наконец обуть свои любимые ботинки? А то хожу тут, как голодранец, честное слово», – возмущался про себя журналист.

Перед глазами Виктора до сих пор стоял вчерашний вечер, когда Лопен, до глубины души поражённый спасением любимой правнучки от чудовищного «короля» кобр, отправил всех монахов молиться и остался с Лавровым наедине.

– Я не знаю, кем ты послан. Может быть, самим Буддой, чтобы защитить мой род, а может – демонами-врагами, чтобы искушать меня в старости. Но долг крови велит мне быть благодарным за твою услугу. Пусть даже мне придётся нарушить священную клятву, данную предкам. Ты будешь посвящён в первую степень монастыря «Гнездо белой летающей тигрицы» и войдёшь в Пещеру Ринпоче.

Сейчас Лопен шёл впереди, и Виктор боялся рефлекторно перейти на свой привычный быстрый шаг и наступить на маленького монаха. «Еще наступишь, обидится и передумает...» Виктор, как всегда, не мог не иронизировать. Неизвестность держала его в напряжении, а разгрузить свой мозг от тяжёлых дум журналисту обычно помогала самоирония.

Спустя некоторое время Лопен наконец вывел Лаврова в небольшой зал, откуда и пробивался тот самый яркий свет, видный чуть ли не в начале длинного коридора. Под небольшим куполом из природного стекла горел огонь. Виктор не мог оторвать глаз от языков пламени.

– Что это, учитель? – Лавров впервые назвал настоятеля учителем, сам не понимая, что на него нашло.

– Это священный огонь, вечный огонь – огонь Праведника Исы, – торжественно воскликнул Вангчук, – ...много поколений назад его принёс с Запада мой предок. С тех пор он не затухает.

Виктор смотрел на извивающуюся змейку огня и не мог понять, что его поддерживает. Может быть, газ? Но нет: чаша под куполом стояла на треноге из красного дерева. Всё это было похоже на фокус с говорящей головой. Но никаких зеркал, никаких отводящих трубок или проводов. «Чудеса... Но ведь чудес не бывает... Или бывают? Сходит же раз в год Благодатный огонь в Иерусалиме. А может, это и есть частица того Благодатного огня?»

– Нам пора осуществить то, ради чего мы пришли, – вывел Виктора из размышлений голос древнего настоятеля.

Лопен подвёл Виктора к большому белому камню и велел положить на него ладони. Маленький бутанец принялся читать обращение к Будде на непонятном для Виктора языке. Внезапно журналист почувствовал странное притяжение к этому камню. Руки словно приклеились... «Хорошая ловушка, но... будь что будет. Не для того же он меня сюда вёл, чтобы устроить западню». События последнего дня, когда ситуация резко меняла направление от отчаяния к надежде, измотали Виктора и заставили его быть готовым ко всему. Тем временем молитва Лопена казалась бесконечной... Неожиданно Лопен снова заговорил по-русски.

– Теперь, европеец, твоя судьба в руках Будды. Куда бы ты ни шёл, он будет с тобой. Путь в Пещеру Ринпоче открыт. Но помни: ты никому не должен говорить о моей услуге. Прощай...

...Наваждение схлынуло. Виктор сидел у большой скалы. Перед ним внизу простирался тропический лес, а где-то вверху, упираясь в облака, манили своей неизведанностью исполинские Гималаи.

Глава 1

Пещера Ринпоче

Горизонт терялся в густоте тропического леса. Но когда деревья расступались, перед глазами снова и снова появлялась величественная гора. Пирамидообразная, усыпанная бамбуковыми рощами, с отдельными вкраплениями лиан и эпифитов, возвышающаяся над остальными горами округи, она словно звала к себе, но опять пропадала из виду, как только перед Виктором смыкалась очередная гряда лесных зарослей. Эта игра в прятки продолжалась уже полдня. Иногда лес сильно напоминал родной, карпатский, вот только тревожно кричащие обезьяны ни на минуту не позволяли забыть Лаврову, что он в Гималаях, пробирается по малохоженной тропе с вечно отстающими проводниками-носильщиками.

Обезьяны, оставаясь невидимыми, всегда кричат при появлении в лесу людей. Их тревожные крики подхватывают сородичи, находящиеся подальше, и так этот дикий хохот с воплями, похожими на крики сказочных существ из какого-нибудь «фэнтези», расходится волнами, будто круги на пруду, когда его гладкую поверхность потревожит вспугнутая лягушка.

Выйдя на очередную поляну с прогалиной, Лавров остановился, чтобы полюбоваться видами возделенной горы Ринпоче и немного передохнуть. Костюм сафари на нём потемнел от пота. Когда тебе «за сорок», к высокогорью привыкаешь быстро и безболезненно, но вот спускаться с горы по лесной тропе равнинному жителю трудно в любом возрасте. Виктор оглянулся назад: «Ну, где они там?»

Проводниками Виктора были невысокие смуглокожие бутанцы, одетые в национальные халаты, гольфы и ботинки для туризма – удивительная безвкусица, но в этих краях не до модных тенденций. Оба были лет на пятнадцать моложе украинца.

– Такое впечатление, что это я у вас проводник, – улыбнулся Виктор спустившимся вслед за ним молодым бутанцам.

Бутанцы вели с собой мулов, незаменимых спутников в походах по труднодоступной горной местности.

– Успеваешь всюду тот, кто никуда не торопится, мистер, – серьёзно ответил Кращи. Он был старшим из двух братьев.

– Это ты ночью тигру расскажешь, – парировал журналист.

При слове «тигр» глаза обоих бутанцев округлились от ужаса.

– Где тигр?

Виктор, конечно, пошутил. Бенгальский тигр, нещадно истреблённый европейцами в XX веке, уже почти не встречался в дикой природе, но первобытный страх перед этим красавцем джунглей передавался коренным жителям на генетическом уровне из поколения в поколение.

– Дальше не пойдём, мистер! Здесь тигры! – сказал Кращи и сел рядом со своим мулом.

«Вот же ляпнул на свою голову», – недовольно подумал Лавров.

– Если здесь тигры, то маршрут стоит дороже!

Младший брат Кращи, которого звали Ищи, как по команде последовал примеру брата и тоже сел рядом со своим мулом.

– Ну вот! – рассердился Виктор. – Какие тигры? Вы в своём уме? Кто вам сказал, что здесь водятся тигры?

– Ты и сказал, – спокойно ответил Кращи.

– Но вы-то знаете, что никаких тигров здесь нет... наверное.

Сомнение Виктора было вполне обоснованным. Бенгалия находилась совсем рядом, а за передвижением хищников по джунглям никто не следил.

– За двести пятьдесят долларов не пойду! – вдруг выпалил Ищи.

– И я не пойду, – добавил Кращи.

Виктор прекрасно понимал, что тигры тут ни при чём и что эти два маленьких вымогателя специально разыгрывают сцену, чтобы получить побольше зелёных бумажек. До цели оставалось каких-то полдня. Отступить было некуда.

– Хорошо. За пятьсот пойдёте? – попытался зажечь в своих проводниках азарт журналист.

Братья переглянулись, перекинулись парой слов на своём родном языке бантава и кивнули друг другу.

– Пойдём! – утвердительно ответил Кращи.

Виктор с облегчением выдохнул.

– ...Но деньги вперёд, – добавил старший из братьев.

– Вот. – Виктор готов был разразиться нецензурной бранью, но взял себя в руки: всё равно это ничего не даст. Если уж бутанец что-нибудь решил, с его упрямством может посоревноваться только его верный мул.

– ...Договорились, – улыбаясь, закончил фразу Виктор.

«Засранцы...» – добавил он про себя.

Путники наконец двинулись дальше. И опять бамбук, пальмы, вечнозелёные мимозы там и тут, и перекличка невидимых обезьян высоко в ветвях.

Вдруг размеренную симфонию леса прорезал уже совсем другой, тревожный крик обезьян, который столкнулся с точно таким же криком в ответ.

– Кто это? – спросил Виктор у Кращи.

– О чём вы, мистер? – изображая невинность на лице, изумился тот.

Виктор, быстро подхватив мулов под уздцы, остановил движение и жестом показал проводникам: «Не шуметь». Где-то очень далеко, сквозь возмущённый крик обезьян, раздавался какой-то хлёсткий звук.

– Мачете, – почему-то шёпотом прокомментировал Виктор, – и люди на мулах... Их не меньше десятка.

В этой части леса прорубка дороги была категорически запрещена королём Бутана, чтобы не тревожить духов гор. По той же причине иностранцам было заказано купаться в бутанских водоёмах, а также заниматься альпинизмом. «Любите лес, как король любит вас», – было написано на входе в заповедник. Звук мачете мог означать только одно: где-то далеко от Виктора и его проводников двигалась ещё одна группа людей.

– В первый раз встречаю европейца, который знает лес не хуже меня, – с досадой произнёс Кращи.

– А если знаешь, то почему молчишь? – иронично спросил Лавров.

– Ну... может быть, это такие же паломники, как и вы, мистер, – нерешительно ответил за брата Ищи.

– Думаю, паломники нарушать порядки заповедника не стали бы... – многозначительно заметил Виктор.

Путь на Ринпоче огибал гору и пересекал гигантскую впадину, которая была похожа на кратер давно потухшего вулкана. Поверхность подножия самой древней горной системы мира укрывала густая растительность, издали напоминающая исполинский тёмно-зелёный ковер.

Через какое-то время Лавров опять остановился. Его заинтересовала стрела, торчащая из дерева прямо у тропы, по которой шла его экспедиция. Не трогая стрелы, Виктор внимательно осмотрел её, щёлкнул на фотоаппарат и молча пошёл дальше. Ищи, шедший следом, тоже остановился у стрелы и громко сказал в спину уходящему Лаврову: – В Бутане очень популярен лук. Это самый распространённый вид спорта!

– Если ваша олимпийская сборная стреляет ядовитыми стрелами, то почему она всё ещё не чемпион? – резонно ответил журналист.

Кращи выдернул стрелу из дерева и осмотрел мутно-слизистые наплывы на древке у наконечника. Виктор вернулся на место неожиданной находки.

– Яд совсем свежий. Похоже, это браконьеры охотились на обезьян, – заключил Кращи.

– Зачем стрелять в обезьяну отравленной стрелой? Это же не слон, – засмеялся Виктор.

– Я боюсь, – вдруг почти по-детски залепетал Ищи. Виктор сразу понял, что сейчас из него опять начнут тянуть деньги, а прогулка по лесу ценой в билет на самолёт до Киева его никак не прельщала.

– Не бойся, Ищи. Если бы выслеживали именно нас, то давно бы уже убили. Пойдёмте. Не хотелось бы здесь ночевать...

Тропа, по которой они спускались, пусть и пунктирно, но была обозначена заботливо срезанными ветвями или вырубленной ступенью склона. Монахи буддийского монастыря «Гнездо белой летающей тигрицы» очень редко посещали Пещеру Ринпоче – не чаще одного раза в два-три года. Виктор не знал дороги, но, полагаясь на весь свой богатый опыт путешественника, ориентировался на шум небольшого водопада, который вскоре открылся их взглядам. Водопад ниспадал в мутную горную речушку, преградившую им дальнейший путь.

Странники сделали привал. Кращи достал из пазухи халата, служившей ему гигантским карманом для всего на свете, какую-то помятую карту. Лавров протянул руку, желая посмотреть, где брод. Бутанцы со своими мулами стояли рядом, уткнувшись в мятый клочок схемы. Никто из троих не подозревал, что в этот момент совсем неподалёку, в кустах, притаился человек с внешностью индуса. Он привстал для верного выстрела и взвёл курок револьвера.

Бывший разведчик спецназа Виктор Лавров, услышав знакомый звук, среагировал молниеносно: толкнув бутанцев в разные стороны, отчего те разлетелись, словно тряпичные куклы, Виктор метнул свой посох на звук и... не промахнулся. Тяжёлая палка попала индусу в лоб, выпавший из рук револьвер тут же булькнул в воду. Несостоявшийся убийца поспешил скрыться в густых зарослях бамбука.

Напуганные братья Ищи и Кращи комично ползали на четвереньках, подбирая полы своих длинных халатов, пока Виктор искал в кустах свой посох.

– Судя по ландшафту, идти нам осталось недолго, – невозмутимо произнёс журналист.

– Что это было? – спросил объятый ужасом Ищи.

– Ничего, парень. Просто слишком большая обезьяна в кустах. Жаль, слабо метнул, – пошутил Виктор, глядя в карту-схему, подобранную с земли. – Так вот же брод! Метрах в тридцати отсюда.

Братья-проводники так и не поняли, что произошло. Они послушно поплелись за Виктором, ведя за собой своих мулов.

После брода путь пошёл в гору, и идти стало легче. Ещё два часа пути, и Виктор со своими провожатыми вышел на широкую просторную площадку, расчищенную перед входом в пещеру.

– Это здесь, – уверенно сказал Кращи.

– Уже вижу, – ответил Виктор и подошёл к тёмному отверстию, зияющему в горе.

Виктор всматривался в эту пугающую и одновременно манящую темноту. Ему казалось, что он стоит на краю мира. Может быть, точно так же в доисторические времена на этом самом месте стоял первобытный охотник, опасаясь чёрной неизвестности в глубине этого природного укрытия. Оттуда веяло холодом, и какая-то грозная тишина только добавляла суеверного ужаса тому, кого судьба приводила к этому удивительному месту.

Но Виктор Лавров определённо был не из трусливых. Звучно выдохнув, он подошёл к одному из мулов и достал из плетёной корзины, притороченной к спине животного, свой стандартный набор «объектив-защита-бленда». Бутанцы с интересом наблюдали за приготовлениями журналиста.

– Что вы собираетесь делать, мистер? – первым не выдержал любопытный Ищи.

Виктор, будто не услышав вопроса, повязал на голову бандану цвета хаки и перетянул шнуровку на ботинках, от которых ещё недавно был вынужден отказаться в знак уважения к Лопену Вангчуку. «Дорога тоже требует уважения», – думал Лавров, управляясь со шнурками.

– Кому-то придётся остаться наверху – охранять мулов и вещи, – скомандовал Лавров тоном, не терпящим возражений.

В этот раз на лицах бутанцев застыл неподдельный испуг.

– Мистер, сюда разрешено заходить, только предварительно сняв обувь и только людям друкпа (бутанцам – *Авт.*). И то не всем, а лишь тем, кто прошёл посвящение, – сбивчиво затараторил Ищи.

– А иначе что? Земля разверзнется и начнётся конец света? – иронично спросил Виктор.

– Того, кто войдёт туда без разрешения, ждёт страшная кара, – взволнованно лепетал Ищи, – может убить молния.

– .. Или духи гор превратят обманщика в дерево, – добавил Кращи.

Виктор расхохотался.

– В дерево? Это в какое же? В банан или бамбук? Я хочу знать заранее, это очень важно!

– Не смейся, чилипа (чужеземец. – *Авт.*)! – сверкнув глазами, вскрикнул Кращи. – Посмотри на эти деревья!

Кращи торжественно взмахнул рукой в сторону столетних хвойных великанов неподалёку.

– Вот! Это не деревья! – ораторствовал проводник. – Это те европейцы, которые ослушались высшего закона, и теперь они уже никому ничего не расскажут!

Виктор с наигранным вниманием слушал Кращи и так же театрально поддакивал его взволнованному монологу.

– Ты знаешь, скажу по секрету, у меня один друг тоже иногда превращается в дерево... – в тон Кращи воскликнул Виктор, – ...когда виски напьётся... Но для этого даже не нужно заходить в пещеру, – добавил журналист, едва сдерживая смех.

Кращи на удивление хорошо понял шутку украинца и вмиг успокоился.

– Хорошо. Смейся, европеец! Но знай! Никто из чилипа ещё не выходил из этой пещеры живым. Я не пойду с тобой! И брат мой не пойдёт.

Твёрдый взгляд двух маленьких жителей этих гор не давал усомниться в их решимости.

Несколько секунд Виктор и Кращи сосредоточенно смотрели друг другу в глаза.

– Ну что же. Не хотите – не идите. Но должен вас предупредить: у меня есть отличное посвящение.

И Виктор вынул из кармана куртки «сафари» маленький целлофановый пакетик, в котором лежали аккуратно смотанные в трубочку и перевязанные резинкой долларовые купюры. Глаза бутанцев заблестели.

– Во-о-от! А вы говорите – дерево, дерево... Ну, кто со мной?

С минуту бутанцы молчали и переглядывались. Первым заговорил Кращи.

– ...Но учтите! Если мой брат погибнет, вы мне должны будете выплатить неустойку в тысячу, нет... в две тысячи долларов!

– Хорошо! – В глазах Виктора запрыгали весёлые искорки. – Послушай, Кращи. А может, я с тобой схожу, а две тысячи дам твоему брату, если что?

– Мне нельзя! – твёрдо сказал Кращи. – Я на следующей неделе пасу яков. Наша очередь.

«Вот же лиса, – с улыбкой думал Виктор, вытаскивая из корзины огромный фонарь. – Если бы не Гималаи, я бы подумал, что торгуюсь где-нибудь у нас, под Житомиром. Пройдохи везде одинаковы!»

На этот раз Виктор не стал снимать обувь, как было предписано Буддой. «В конце концов, у меня есть Иисус – я думаю, они с Буддой как-нибудь договорятся, чтобы я не простыл».

Лавров не был атеистом, но иногда отпускал такие шутки, за которые его покойная бабушка точно не похвалила бы любимого внука. Издержки профессии, что поделаешь.

Ищи и Виктор стали погружаться во тьму подземелья. «Хм, две тысячи долларов... Это получается, что моя машина, которая осталась на стоянке в Борисполе, стоит десять бутанцев? Негусто», – весело размышлял журналист.

Лавров шарил пучком света по стенам и потолку, с которого свисали побуревшие от старости и полуистлевшие молитвенные флаги лунгта. Виктор искал на тканях благословляющую мантру и осторожно передвигался только под такими лунгта – зная, что они действуют в Пещере Ринпоче как оберег.

– Мистер! – предупреждая воскликнул Ищи и осветил юную очковую кобру под берцами фотографа.

– Спасибо, Ищи.

Лавров осторожно продвинулся вперёд, не задевая потревоженной змеи, и осветил под ноги Ищи. Тот стоял в самом центре змеиного выводка. Малыши очковой кобры прятались в пещере от дневного зноя и так и кишели вокруг босых ног бутанца. Тот опасливо переступил туда, где каменный пол был свободен от ядовитых малышей.

И тут Виктор быстро схватил проводника за шиворот и притянул к себе. В опустевшем пространстве из стены торчали четыре копья. Это были бамбуковые колья, заострённые и очень пыльные. Прах вибрирующих копий красиво оседал в пучке электрического света.

– Не выходи из-под лунгта, под которыми я стою! – запоздало предупредил Лавров.

Следующим препятствием была бездонная яма, преградившая им путь в глубь пещеры. Её преодолели, по очереди карабкаясь вдоль стены, цепляясь за подсвеченные фонарями выступающие камни. Первым на другой стороне оказался Лавров. Обвязанный верёвкой, Ищи сидел на земле, упёршись в камни ногами, – на случай, если Лавров, обвязанный другим концом, сорвётся в яму. Потом с помощью блоков переправили корзину с фототехникой. Наконец вдоль стены, освещаемой фонарём Лаврова, бутанец последовал за европейцем. Он почти добрался, как камень из-под его ноги сорвался вниз, и проводник повис на руках, тихо подывая от ужаса. Виктор схватил его за шиворот халата и снова с силой притянул к себе.

Немного отдышавшись, Виктор вспомнил старое доброе кино с участием героя видеоманитонных записей Брюса Ли: Пещера Смерти в монастыре Шаолинь. Как маленький Витя радовался каждому умелому трюку непревзойдённого мастера кунг-фу! Как он мечтал когда-нибудь повторить то, что видит на экране. Интересно, выжил бы Брюс Ли в Пещере Ринпоче? Сам же Виктор пока живой, да ещё и спас проводника.

После ямы ход пещеры заметно расширился и свернул направо, флаги лунгта куда-то пропали, а на повороте фонарь озарил стилизованный портрет основателя бутанского буддизма – Шабдรุงга Ринпоче. За поворотом фонари осветили просторную залу с постаментом посередине. На постаменте в лучах искусственного света сияла Изумрудная Чаша Патриарха.

– Вот она! – только и смог произнести Виктор.

Удивительное зрелище. Чаша, о которой все каталоги и научные издания говорили не иначе как о легендарном артефакте, не существующем в реальности, – стояла перед ним, Виктором Лавровым, простым фотографом и тележурналистом из Украины. Для него это было сродни находке гробницы Тутанхамона или встрече с живым Мартином Борманом.

– Поторопимся, мистер, здесь уже нечего бояться. А то как нам возвращаться по лесу в темноте? – произнёс Ищи и шагнул к постаменту. Виктор опять грубо схватил его за шиворот халата, рванул на себя и, не удержавшись на ногах, упал на проводника, прижав его к стене пещеры. Откуда-то с потолка пещеры туда, где только что стоял бутанец, упал громадный молот.

– Да я бы сам увернулся! – заносчиво произнёс парень, скорчив недовольную гримасу.

– Не всё так просто, Ищи, – выдохнул прямо в рот бутанцу Лавров и, легко оттолкнувшись от его груди, вернул себе равновесие.

Виктор внимательно осмотрел «стопы Ринпоче» на пыльном полу пещеры. Они были гораздо больше человеческих и обведены по краям красной краской. «Стопы Ринпоче» не вели к чаше какой-то отдельной тропой, а были изображены хаотично по всему полу пещеры.

Лавров сделал несколько общих снимков-панорам, со вспышкой и без. Когда срабатывала вспышка, было заметно, что одни «следы Ринпоче» высечены в скале, а другие выдавлены в керамике, по цвету не отличимой от скалы.

– Не всё так просто, парень, – повторил Лавров.

Виктор легонько стукнул по керамике альпинистским молотком, и огромная крышка замаскированной ловушки провалилась глубоко вниз. Звук упавших обломков фотограф так и не услышал: яма была практически бездонна.

– Ну вот. Сделал бы шаг вперёд – и всё...

С минуту Ищи и Лавров смотрели в тёмную бездну провала.

– Оставайся здесь, – велел Виктор проводнику и, сверкая вспышкой себе под ноги, пробрался к постаменту с Изумрудной Чашей Патриарха.

Чаша, освещённая издали фотолампами из корзины Ищи, призрачно мерцала зелёным блеском. Проводник сел прямо под штатив мощного светильника и с интересом смотрел, как украинский журналист фотографирует древний буддийский артефакт.

Лавров был человеком увлекающимся и был способен отдаваться тому, что в данный момент вызывало у него наибольший интерес, моментально и полностью. Ещё во времена юности он мог часами пропадать в библиотеке, погрузившись в изучение исторических книг какого-нибудь малоизвестного широкого массам автора или обложившись учебниками по физике – просто так, потому что интересно. В такие моменты он забывал и о футболе, и о девочках, и вообще обо всём на свете. Вот и сейчас возможность отснять уникальную реликвию заставляла Виктора отвлечься от мыслей об опасных ловушках и фотографировать сосредоточенно и без спешки, будто всё это происходило не в таинственной тёмной пещере, а в какой-нибудь уютной киевской фотостудии. Журналист менял ракурсы, освещение, объективы. От духоты и усердия его пыльная бандана стала мокрой. Виктор всё ещё не верил, что это происходит с ним наяву. Многие годы охоты за этими снимками, работа с архивными материалами в ведущих библиотеках и музеях мира, непрерывное общение с археологами, историками и геологами, десятки путешествий, подчас очень опасных... И вот она! Руки Лаврова начинали дрожать от волнения...

Наконец журналист решил, что дело сделано и по своим следам вернулся назад.

Путники разобрали светильники и сложили их обратно в корзину, которую Ищи поспешил взгромоздить себе за спину. Он явно спешил, так как боялся ночевать в лесу, полном горных духов, разозлённых тем, что их потревожили. К немалой досаде бутанца украинец задержался у позолоченного портрета Шабдรุงга Ринпоче, снова расставив свет и сфотографировав ещё и эту буддийскую святыню.

– Всё! Давайте рассчитываться, мистер фотограф, – не выдержал Ищи, – мне надоело.

– Ну помоги же мне собраться, Ищи!

– Сначала деньги!

Виктор ухмыльнулся и достал из пакета обещанную тысячу долларов.

Ищи буквально вырвал деньги из рук Виктора.

– Всё! Желаю удачи! Дорогу я знаю.

И побежал в обратный путь.

– Ищи! – взволнованно крикнул вслед Виктор.

В следующую минуту плита, по которой бежал бутанец, резко перевернулась вокруг своей оси, и проводник с криком ужаса полетел в пропасть.

– Что ж ты наделал, дурак молодой! – с горечью произнёс Виктор и обречённо сел у своих пожитков.

Конечно, Виктору, как опытному бойцу и путешественнику, не составило большого труда вернуться обратно самому. Несмотря на тяжёлую корзину за спиной, он легко преодолел яму, без проблем избежал всех ловушек и миновал маленьких змеёнышей. Однако на душе скребли кошки: было жаль этого незадачливого жадину-проводника. К тому же теперь журналисту предстояло объясниться с его старшим братом.

...Вечерело. Солнце спряталось за гору. На площадке для медитации у Пещеры Ринпоче украинского фотографа ожидал неподвижный бутанец Кращи. Виктор вышел, стараясь не смотреть на проводника, и, набрав полные лёгкие воздуха, гулко выдохнул:

– Кращи, я один. Я сожалею...

Бутанец молчал. Только тут Лавров почувствовал что-то неладное. Он повернулся к проводнику: тот смотрел в небо безжизненными глазами. Одной рукой несчастный бутанец держался за стрелу, торчавшую из его шеи. Рядом ели корм из мешочков ничего не подозревающие мулы. Лавров подошёл ближе. Судя по температуре тела, Кращи был убит совсем недавно. Виктор ладонью опустил веки убитого. «Не дождался денег за своего брата, бедняга...» Журналист внимательно осмотрел стрелу. Она была отравленной. Ошибки быть не могло: за ними уже полдня кто-то охотился. Надо было быстрее выбираться отсюда.

Лавров соорудил из верёвки подобие узды, закрепил на спине мула Кращи тело его убитого хозяина, за ним крепко привязал мула Ищи и принялся осторожно спускаться с горы. На участке тропы, где слева была пропасть, а справа скала, мул взбунтовался. То ли его пугал мертвец на спине, то ли укусил овод, но животное упёрлось всеми четырьмя ногами и остано-

вилось. Когда же Лавров попытался понукать мула посохом, он взвился на дыбы, взбрыкнул несколько раз и, не удержавшись на покрытых мелкими камушками глыбах, сорвался в пропасть, утягивая за собой мула, который шёл за ним. Виктор бросился вперёд и успел ухватить второго мула за заднюю ногу, но сил не хватало. Борьба продолжалась недолго. Даже каменные руки Лаврова не могли выдержать такой тяжести. Журналист почувствовал, как мулы тянут его за собой, и разжал пальцы. Посмотрев вниз, он увидел бедных животных, лежащих на дне ущелья. Отсюда, с горы, они казались совсем маленькими, не больше спичечного коробка.

– Прискорбно... Радужный по головке не погладит, – промолвил еле отдышавшийся Виктор. Весь багаж, собственность телеканала, на котором работал Лавров, пропал вместе с мулами. Остались лишь фотоаппарат Nikon 800, с которым журналист не расставался никогда, да небольшой дорожный рюкзак за плечами.

Виктор быстро спускался вниз уже знакомой тропой. Другого пути обратно у журналиста не было. Нужно было до темноты успеть добраться до густого леса: в нём легче прятаться. Уже подходя к броду через горную речку, Виктор увидел лучника, который целился в него. Низкорослый бутанец со страшной гримасой на лице молча прицеливался, а Виктор понимал, что увернуться от стрелы на таком расстоянии практически невозможно. Тут Виктор обнаружил, что бутанец не один. То справа, то слева стали появляться его сородичи с точно такими же натянутыми луками и ужасными гримасами.

– О! А чего это вы все такие невесёлые? – произнёс Виктор.

Он прекрасно понимал, что достаточно было одного мгновения, чтобы превратиться в «подушечку для булавок», но что ему оставалось делать, как не иронизировать?

– Всё шутки шутим, мистер Лаврофф? – Из-за спин бутанцев выступил ещё один человек в халате, но черты его лица вовсе не были азиатскими. Старик лет семидесяти пяти с орлиным профилем достаточно резко вышел навстречу Лаврову. – Отдайте мне свой фотоаппарат.

– Вы кто?

– Дед Пихто, – ответил старик по-русски, – фотоаппарат отдай!

Старик подошёл и требовательно протянул руку. Лучники сгруппировались ближе друг к другу и начали смыкать полукруг. Виктор мгновенно оценил обстановку. Воевать с десятком лучников было глупо, но в голове крутился ещё один план...

– Пожалуйста, дедушка, – покорно ответил журналист и протянул фотоаппарат старику.

Тот не успел коснуться фотоаппарата, как Виктор выронил его. Шикарный «Никон» упал на камни и завис над пропастью. Один миг отделял его от падения с огромной высоты.

– Хватайте его, хватайте! – Злодей был в бешенстве.

Лучники опустили оружие и, расталкивая друг друга, ринулись к краю обрыва. Воспользовавшись сутолокой, Лавров оттолкнул двоих бутанцев, которые стояли на пути, подхватил фотоаппарат и помчался вниз по тропе. Сзади засвистели стрелы, но Виктор знал, как убегать, постоянно меняя тактику, – движение маятника, которому учили в разведшколе. Он уже было отбежал на расстояние, недоступное для стрелков, но тут из кустов у самой реки выступил ещё один отряд бутанцев. Журналист понял, что окружён. Сзади напирал старик со своей бандой. Виктор посмотрел вниз с обрыва и увидел отблеск поверхности реки. До воды было метров двадцать, но выбора не оставалось. Лавров метнулся вниз...

Шум реки заглушил крики старика и растерянных бутанцев. Журналист уплывал вниз по течению реки. Где-то по пути оборвался с карабина его верный и только что чудом спасённый «Никон», увлёкший на глубину тайну Пещеры Ринпоче. На Гималаи опустилась ночь...

Глава 2

Изумрудная Чаша Патриарха

Карликовое Королевство Бутан затерялось в Гималаях между Китаем и Индией. Ещё в XX веке попасть сюда можно было только из страны слонов и чая. И то – по узкой горной тропе...

Виктор Лавров, известный украинский фоторепортёр и журналист-международник, проводил экскурсию по экспонатам своей фотовыставки «Загадки мира. Королевство Бутан», представленной в старинном архитектурном квартале Киева на Бессарабке. Выставка походила скорее на лекцию по истории народов мира и этнографии, чем на экспозицию эксклюзивных журналистских материалов. За автором пёстрой толпой ходили представители нескольких новостных агентств и телеканалов.

– ...Надо сказать, в этой маленькой горной стране живут самые счастливые люди Азии, – продолжал Виктор, остановившись около фотографии старого бутанца, который, казалось, улыбался широкой улыбкой своего двузубого рта всему миру.

– Этого старца зовут Шабдрунг. Ему сто девять лет. Он гордится своим именем и любит Королевство Бутан.

– «Мои года – моё богатство»? Как Вахтанг Кикабидзе? – пошутил высокий молодой репортёр в светлом костюме в клетку, но на него никто не обратил внимания.

– ...И всё же, – продолжал Виктор, пропустив глупую шутку репортёра мимо ушей, – почему народ друкпа, как себя называют сами бутанцы, счастливее жителей богатейших стран мира – Брунея, Сингапура, Катара? Этот вопрос я задал старцу Шабдрунгу.

Виктор с каким-то внутренним теплом смотрел на фотографию старика, будто учтиво спрашивая у него разрешения раскрыть тайну бутанского счастья.

– Этот мудрый человек ответил, что настоящее счастье нельзя найти. Его можно постичь. И тот, кто постиг его в течение своей жизни, и есть самый богатый человек на земле.

Журналисты притихли. Слова старца из далёкого и неизвестного Бутана заставили каждого задуматься о чём-то своём и одновременно всеобщем. Виктор добился своего. За набором общих фраз люди, как правило, теряют нить повествования и перестают вдумываться в его суть. Лавров же стремился к тому, чтобы его рассказ о Бутане был не только услышан, но и понят. Журналист перешёл к соседнему стенду с фотографиями.

– Шабдрунг отправил меня в монастырь «Гнездо тигрицы».

– Простите, как понять – «гнездо тигрицы»? Она же не страус и не попугай, – засмеялась одна из журналисток, женщина средних лет, рубенсовских форм и в очках на самом кончике носа.

– «Гнездо тигрицы» находится высоко в горах. По легенде, реальный исторический персонаж гуру Ринпоче в VIII веке прилетел туда из Индии верхом на... белой летающей тигрице, в которую превратилась женщина по имени Ешей Тогьял. Она была одной из его спутниц и бывшей женой императора с Юга.

– Он что, на тигрице с собой целый гарем вёз? – не унималась женщина в очках.

– Гарем не гарем, но такова легенда, – миролюбиво ответил Виктор. – Нас же не шокируют славянские сказки с их Колобками и Курочками Рябами? Мы просто воспринимаем это как должное с самого детства.

Свободное общение Виктора с журналисткой расслабило присутствующих. Кто-то даже засмеялся.

– ...Так вот, – продолжал Виктор, стоя у очередного стенда с фотографиями, – в храме, посвящённом гуру Ринпоче, у меня состоялась интересная беседа с одним монахом. Мы

застали его за молитвой. Он распевал мантры, выписанные в специальном свитке. Это была завораживающая картина: высокий мужской голос под древними сводами, непонятный язык, таинственные статуи вокруг и сам монах в тёмно-красной хламиде, такой же неподвижный и величественный, как окружающие его каменные изваяния... Но вдруг он замолкает, оборачивается и говорит на английском: «Вы зачем пришли к нам?» Что я мог ему ответить? «Посмотреть, – говорю, – браслетик приобрести на счастье». А он мне: «Вы хотите понять бутанское счастье? Извольте...» И указывает своим свитком на одну из ближайших к нему статуй. Вот она, кстати, – Виктор остановился у центральной фотографии на стенде.

– Это Падмасамбава. Он нарёк Бутан вторым Кайлашем. Кайлаш – эта такая гора в буддийской философии, центр святого региона, – уточнил Лавров. – По легенде, бутанские злые духи собрали все свои силы, чтобы напасть на гуру Ринпоче. Чтобы одолеть их, Ринпоче стал ужасным Дорже Дролло – истребителем демонов. В таком виде он смог подчинить своей власти всех духов. Это – счастье борьбы.

Говоря это, Виктор смотрел на толпу журналистов, которые хоть и не запоминали полновинны замысловатых бутанских имён, но слушали с большим вниманием. Лавров не заметил, как в зал вошёл его старинный приятель, продюсер Максим Радужский, крепко сбитый лысоватый мужчина средних лет в дорогом костюме-двойке и с короткой бородкой каре.

– Затем монах указал мне на другую статую в храме, стоящую точно посередине, – Виктор продолжал свою лекцию-презентацию, – это Будда Дармакайи, то есть «Изначальный Будда». Это символический образ просветлённой природы ума.

Это – счастье знания... И наконец, третья скульптура. На ней, как вы видите на фото, синий мужчина совокупляется с белой женщиной. Это Будда Самантабадра, то есть «Всеблагодой», со своей возлюбленной Самантабадри. Это счастье взаимной любви между мужчиной и женщиной...

Итак, что же такое счастье по мнению бутанцев? Это единство счастья борьбы, счастья знания и счастья взаимной любви между мужчиной и женщиной.

– Бред, – хихикнул себе под нос всё тот же парень в светлом костюме.

– В чём, по-вашему, бред, простите? – спокойно спросил Виктор.

– Во всём, что вы рассказываете, господин Лавров. Все эти длиннющие названия Подносомблямба, Санта-Барбарарамба... Это всё придумывается для туристов, чтобы заработать денег. Три статуи счастья. Рассмешили. Всё равно всё сводится к деньгам. Кстати, так же, как и ваша миссия. Вы же не за бесплатно это делаете?

Присутствующие глубоко вдохнули. Бесцеремонное, почти хамское поведение молодого репортёра привело представителей СМИ в замешательство. Им было неловко слышать такие отзывы в сторону журналиста, который вот уже добрых два десятка лет пользовался авторитетом у всей пишущей братии Украины. «Зелёного» заносчивого фронта стоило поставить на место, и Виктор сделал это с достоинством и не без изящества.

Не меняя тона, Лавров посмотрел на парня и улыбнулся:

– Простите, с кем имею честь?...

– Павло Костырко, журнал «МегаБонус».

Присутствующие с интересом ждали, что же будет дальше. Высокая стройная девушка поднесла Виктору стакан холодной воды. Виктор стал пить воду, а парень в костюме продолжил:

– Каждый видит счастье по-своему. Я, например, счастье вижу по-другому. И на мир смотрю по-другому. И читатели нашего журнала смотрят на мир по-другому!

Лавров неторопливо осушил ёмкость до дна.

– Спасибо, Анечка, – он не стал ставить пустой стакан обратно на поднос, а обратился к бесцеремонному репортёру:

– По-другому, говорите?

– Да! Совершенно по-другому! – вызывающе ответил молодой человек.

Виктор поднял стакан, как бы показывая его молодому забияке.

– Пан Костырко, что это?

Парень растерянно посмотрел сначала на Виктора, потом на окружающих.

– Смелее, юноша, – улыбался Виктор.

– Ну, стакан, – выдохнул Костырко.

– Чудесно! Что это? – Лавров показал стакан какой-то молоденькой журналистке из толпы.

– Стакан, Виктор Петрович, – смутилась девушка.

– Отлично! Что это? – Виктор протянул стакан мужчине с бородой.

– Стакан.

– Удивительно, как точно! Это – стакан! – патетично воскликнул Виктор под бурный хохот присутствующих. – Вы знаете, что удивительно, пан Костырко: и я тоже вижу стакан, как и все присутствующие здесь коллеги, и вы в том числе! Поэтому на вашем месте я бы не утверждал с такой уверенностью, что вы что-то видите по-другому.

Всеобщий смех и аплодисменты заставили молодого журналиста моментально затеряться в толпе.

– А вообще, друзья... – Виктор вдруг задумался, – мне кажется, что люди одинаково видят добро и одинаково хотят счастья. Так же как одинаково не хотят зла ни себе, ни близким... Если вопросов нет, тогда на сегодня всё. Не забывайте о дисках с «превью» фотографий и видео, которые могут приобрести ваши агентства и телеканалы. Если что, я буду на своём канале с понедельника.

На этих словах презентация фотовыставки была окончена.

Тут журналист наконец заметил среди публики генерального продюсера своего телеканала Максима Радуцкого, который стоял у стены и уже несколько минут посылал Лаврову мимические знаки. Виктор, дав пару автографов случайным зевакам, направился к Радуцкому.

– Здорово, старик! – дружески поприветствовал его Лавров.

– Твоя выставка имеет успех, как я погляжу! – ответил Максим, пожимая Виктору руку.

– Имеет, – неожиданно равнодушно ответил Лавров. – Бутан – страна контрастов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.